

0- 786103

На правах рукописи

ЗАВОРОТИЩЕВА Наталья Сергеевна

ИНВЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ

(на материале пиренейского национального варианта испанского языка и
американского национального варианта английского языка)

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2010

Работа выполнена на кафедре иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН)

Научный руководитель:

академик МАН ВШ,
доктор филологических наук,
профессор
Фирсова Наталия Михайловна

Официальные оппоненты:

академик РАН, доктор филологических наук, профессор
Мамонтов Александр Степанович
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

кандидат филологических наук, доцент
Чичин Александр Васильевич
Академия народного хозяйства при Правительстве РФ

Ведущая организация:

**Московский педагогический
государственный университет**

Защита состоится «26» ноября 2010 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.12 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) РУДН по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436.

Автореферат разослан 25 октября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000682106

Н.Ю. Нелюбова

Общая характеристика работы.

Общеизвестно, что в современной лингвистике намечился очевидный поворот от описания языка как системно-структурного образования к его изучению с коммуникативно-прагматических, когнитивных и, в особенности, культурологических позиций. Это значит, что лингвисты уделяют, в частности, значительное внимание языковой объективации социальных, возрастных, гендерных и индивидуальных характеристик личности.

Все большее значение отводится лингвистике, ориентированной на взаимоотношение человека и окружающего его мира. Выражается оно посредством эмоций, психических реакций человека на стимул, который заставляет его по-иному группировать объекты мира и их свойства. Являясь неотъемлемой частью человеческой психики, эмоционально-оценочные реакции по своей сути имеют ярко выраженный национальный характер. Представители различных наций воспринимают, понимают и интерпретируют одни и те же факты окружающей действительности далеко не всегда идентично.

Спектр эмоциональных реакций человека, как мы знаем, весьма богат и разнообразен. В ходе конкретного исследования целесообразно остановиться на каком-то определенном средстве их выражения. В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка такую важную группу эмотивной лексики, как инвективы.

Инвективная лексика еще не в достаточной степени подверглась серьезному, основательному анализу как за рубежом, так и в России. Между тем, данный слой лексики представляет собой большой интерес как важное средство реализации связи между ценностными представлениями социума и выражением крайне негативного отношения к объекту оценки — человеку как носителю определенных черт характера, вредных привычек, нарушителю норм общественного поведения. В нашей работе мы попытаемся дать системное комплексное описание и сравнительный анализ испанских и английских инвектив в лингвокультурном, лексико-семантическом, этимологическом, культурно-историческом аспекте.

Инвективная лексика сравнительно недавно стала объектом научного интереса. В зарубежной лингвистике работы на подобные темы, претендующие в той или иной степени на научную полноту, стали появляться в 70-х - 80-х годах XX века (P. Celdrán; J. D. Luque, A. Pamies, F. J. Manjón; A. Palomino; R. Aman; H. Rawson; L. Andersson, P. Trudgill; E. Claire.).

Исследований, посвященных ругательствам и, в частности инвективам, в российской лингвистике крайне мало. Монографии и многочисленные статьи В.И. Жельвиса представляют собой наиболее основательные на сегодняшний день научные исследования ругательств, использующие новейшие методы изучения и самые последние экспериментальные данные. Кроме того, интерес

представляет сравнительно новая диссертация А.Ю. Позолотина «Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка)».

Что касается работ, посвященных инвективам на материале испанского и английского языков, к сожалению, в отечественной лингвистике данная сфера почти не исследована. Систематизированное описание и анализ функционирования речевых формул данного класса, употребительных в различных национальных вариантах современного испанского и английского языков практически не проводились.

Безусловно, комплексное, систематизированное исследование инвективного фонда как в испанском, так и в английском языке чрезвычайно осложнено в силу их огромной территориальной распространенности, наличия различных речевых норм, национальных и территориальных вариантов и диалектов. Как известно, испанский и английский языки принадлежат к наиболее распространенным языкам мира. Ввиду того, что охватить в одной работе все разновидности и формы существования английского и испанского языков не представляется возможным, в реферированном диссертационном исследовании была предпринята попытка изучить и провести сравнительный анализ инвективных формул в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка.

Актуальность темы настоящей диссертационной работы определяется повышенным в последнее время интересом к проблемам межкультурной коммуникации, сравнительно-типологическому исследованию языков, а также возросшей необходимостью изучения и преподавания иностранных языков с учетом особенностей межкультурного общения. Очевидно, что исследование такого важного пласта лексики, как инвективы, должно проводиться в аспекте национальной специфики их функционирования в различных культурных сообществах. Кроме того, актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью большинства вопросов, связанных с определением места инвективы в языковой системе, способами образования инвективной лексики и условиями ее функционирования.

Объектом исследования явились пиренейский национальный вариант испанского языка и американский национальный вариант английского языка.

Предмет исследования – инвективная лексика в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка.

Цель работы состоит в систематизированном описании, классификации и сопоставительном анализе инвективных средств в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка, а также в выявлении лингвокультурологических особенностей инвектив и изучении их функционирования в современной разговорной речи.

Научная новизна работы состоит в том, что в отечественной лингвистике была впервые разработана семантико-тематическая классификация

и проведен специальный сопоставительный анализ инвективных средств в испанском и английском языках, который дал возможность выявить их лексико-семантические, культурологические и этимологические особенности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем выявлены универсальные и специфические черты, аналогии и различия в системе функционирования инвективной лексики в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка, определено место инвективной лексики в общей системе языков.

Практическая ценность исследования видится в возможности использования его основных результатов как в научных, так и в преподавательских целях, на занятиях по переводу и анализу художественного текста, при чтении теоретических курсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, стилистике, речевому этикету, что способствует формированию лингвокультурной компетенции в процессе преподавания и изучения испанского и английского языков.

Основными методами исследования выступают описательно-аналитический, контрастивный, функциональный и количественный, а также метод сплошной выборки и метод опроса информантов. При работе с лексикографическими источниками был использован метод сплошной выборки и контекстуального анализа, позволяющий выделить оттенки смысла в семантической структуре инвектив.

Материалом для исследования послужили произведения современных испанских писателей, ряд лексикографических источников (С. Симеонова 2001; D. Carbonell Basset 2000; P. Celdrán 1995; Н.Г. Московцев, С.М. Шевченко 2007; П. Шестикрылов 2007; Электронный словарь АБВУД Lingvo 9), глобальная сеть Интернет, а также данные, полученные в ходе опроса информантов. В ходе исследования были опрошены 80 информантов. Из перечисленных источников нами было отобрано 375 единиц на материале пиренейского национального варианта испанского языка и 334 единиц на материале американского национального варианта английского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В языковой картине мира значительное место занимает эмотивная лексика, в особенности инвективы. В силу своей экспрессивной семантики инвективы, выражающие в экстремальной форме оценочные суждения о человеке, четко иллюстрируют систему ценностей того или иного лингвокультурного сообщества. В инвективной лексике находит достаточно полное отражение иерархия ценностей социума.
2. Инвективу следует отграничивать от ругательства. Различие между ними состоит в выполняемых ими функциях. Ругательства входят в состав инвективного фонда, но не являются единственным его элементом. Инвективный пласт лексики включает также ряд лексических и

- фразеологических единиц, относящихся к кодифицированному литературному языку и имеющих в своей семантике негативную оценку.
3. Оскорбление – это иллокутивный лингвокультурный концепт, в основе которого лежит устойчивый этнический стереотип социального антиобразца, противоположного идеалу, представленному в лингвокультуре как образец для подражания.
 4. Основная функция, которую выполняет инвектива, экспрессивная. Инвектива лишь частично реализует главную функцию языка – коммуникативную.
 5. Инвективный фонд испанского и английского языков обогащается за счет переосмысления лексического материала литературного языка, взаимодействия с внелитературной сферой языка (различными жаргонами и просторечием) и за счет иностранных заимствований.
 6. Источниками формирования инвективной лексики служат такие способы переосмысления лексических единиц, относящихся к литературному пласту языка, как пейорация и эвфемия.
 7. Инвективы могут классифицироваться в соответствии с осуждаемыми ими пороками. Для наиболее удобного описания и систематизации инвектив в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка мы предлагаем следующую семантико-тематическую классификацию данного лексического слоя: 1) инвективные лексические единицы общего характера; 2) инвективные обозначения недостатков умственного развития; 3) инвективные обозначения внешности человека; 4) инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения; 5) инвективные обозначения отклонений в здоровье.
 8. Выбор формул с более или менее ярко выраженной пейоративной окраской, грубой экспрессией, в т. ч. и употребление обценной лексики, также зависит от того, о каком именно недостатке идет речь. Наиболее частотна реализация грубой, вульгарной лексики в рассматриваемых языках при обозначении сексуального поведения лиц женского пола и недостатков умственного развития. В американском национальном варианте английского языка большое количество грубых и бранных слов также присутствует среди инвективных обозначений непривлекательной внешности.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов и нашли отражение в публикациях (6 статей, 3 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

Основное содержание работы

Во **Введении** определяются актуальность, объект, предмет, цель и методы исследования, формулируются выносимые на защиту основные положения, устанавливаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **главе I «Инвективная лексика в языковой системе»** освещаются теоретические основы исследования, а именно, дается определение понятию «инвектива», рассматривается место ругательств, в частности, инвектив в языке и культуре, выделяются критерии разграничения ругательств и инвектив, дается определение концепту «оскорбление», выявляются основные языковые функции инвективы.

Несмотря на повышенный интерес исследователей к данному направлению, терминологический аппарат инвектологии разработан явно недостаточно. Существуют противоречия в определении лингвистического статуса инвектив и ругательств.

В рамках настоящего исследования мы определяем *инвективу* как любую номинативную единицу, употребленную с целью оскорбить, задеть, обидеть, унижить, дискредитировать адресата и имеющую пейоративную экспрессию неодобрения, пренебрежения, презрения, содержащую явно негативную оценку, общественно осознаваемую и воспринимаемую адресатом как оскорбительную или клеветническую характеристику.

Мы считаем, что инвективу как способ вербальной агрессии по отношению к человеку следует отличать от ругательства как табуированного языкового знака, лежащего за пределами нормативного языка и имеющего стилистические маркеры «вульг.», «груб.», «бран.».

С одной стороны, хотя в качестве средств осуществления вербальной агрессии зачастую используются именно ругательства, в этой функции могут выступать и любые другие лексические единицы, имеющие пейоративную окраску и потенциально способные оскорбить, унижить адресата, поставить его в неловкое положение. Таким образом, нецензурность не является непременным условием отнесения того или иного слова в разряд инвектив, а фонд инвективных средств включает в себя ругательства, но ими не исчерпывается.

Выбор того или иного элемента инвективного фонда, кодифицированного или некодифицированного, определяется социальным статусом инвектанта. При этом ни одна социальная группа не использует национальный инвективный континуум в полном объеме.

С другой стороны, инвективная функция является далеко не единственной функцией ругательства, которое также может выступать в роли междометного восклицания, обращенного в пространство и являющегося средством эмоциональной разрядки. Главное отличие междометного использования от прочих использований ругательств – безадресность.

Кроме того, ругательство может выполнять следующие функции: выражение земного, профанного начала, установление контакта между

равными участниками общения, дружеское подтрунивание или подбадривание, самоподбадривание, самоуничижение, инвектива как «дуэльное средство», как способ установления положительного контакта через поношение третьего лица, как способ представить себя человеком без предрассудков, как символ сочувствия угнетенным классам, как способ привлечения внимания, как средство сбить с курса, как средство передачи оппонента во власть злых сил, в магической функции, как средство борьбы с «демоном сексуальности», как средство демонстрации половой принадлежности, как оберег, как патологическое сквернословие, инвектива как искусство, инвектива как бунт, инвектива как средство сексуальной агрессии¹.

Предоставление негативной информации об адресате, не соответствующей действительности приводит к искажению социального образа личности среди остальных членов общества, т. е. уменьшает ее социальную привлекательность. Адресная негативная информация о лице создает в сознании окружающих его людей новый образ, который отличается от первоначального своим искаженным или «извращенным» видом. Таким образом, опираясь на терминологию Г.В. Кусова, можно сказать, что «при адресной направленности вербальной агрессии и ее способности понизить социальную привлекательность личности, можно говорить о том, что лицо подверглось насилию в виде *коммуникативной перверсии*»². В речи лексическая единица, которая включается во взаимодействие социальных субъективных оценок, изменяет социальную репрезентативность личности в положительную или отрицательную сторону.

Понятие инвективы тесно связано с концептом *оскорбление*. Иллокутивный концепт *оскорбление* – это набор речевых и языковых тактических средств, описывающих негативную речевую модель лица, противоположную этносоциальному идеалу, представленному в лингвокультуре как образец для подражания. В речи при адресной направленности эти средства приводят к оценочному дисбалансу между максимальной социальной репрезентации языковой личности (тем, как индивид хотел бы, чтобы о нем думали другие, идентифицируя свою социальную перспективу с идеальным социальным Я) и максимальной социальной самодентификации языковой личности (тем, как индивид воспринимает себя сам, идентифицируя свой социальный статус с определенным коллективным Я). Иначе говоря, мы трактуем оскорбление как воссозданную речевую картину социального «анттиобразца», формируемую из выработанного в процессе социализации личности набора средств лингвокультуры через создание негативного образа или через умаление положительных качеств лица.

Инвективная лексика относится к сфере эмоционально повышенной, аффективной. Эмоциональность такой речи ориентирована на конкретную ситуацию, поэтому анализ как самих высказываний, так и их лексико-

¹ Жельвис. В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: научно-изд. Центр «Ладомир», 2001. – С. 109 – 132.

² Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. Дисс. к. ф. н. – Краснодар, 2004. – С. 70.

фразеологического состава возможен только в тесной связи с контекстом, ситуацией речевого акта. В связи с этим основной функцией языка, которую выполняет инвективная лексика, является экспрессивная функция. Второстепенное значение имеют коммуникативная, конативная (предписывающая) и фатическая функции. Инвективная лексика не реализует поэтическую функцию.

Выявление фатической функции инвективной лексики в исследуемых языках представляет определенную трудность при переводе. За пределами стиля оказываются многие грубые натуралистические, лексико-фразеологические единицы, метафорические и переносные инвективы.

Глава II «Пути формирования инвективной лексики» посвящена изучению источников пополнения инвективного фонда, рассмотрению семантических процессов, происходящих в инвективной лексике, определению динамики развития инвективных значений.

Инвективный фонд испанского и английского языков обогащается за счет переосмысления лексического материала литературного языка, взаимодействия с внелитературной сферой языка (различными жаргонами и просторечием) и за счет иностранных заимствований.

Инвективный континуум находится в состоянии интенсивного обмена лексикой с просторечием и различными жаргонами и имеет с ними много общего. Тем не менее, необходимо отличать инвективную лексику от жаргонной и просторечной.

Элементами жаргона являются произвольно выбранные и видоизмененные или сконструированные по существующим правилам лексические единицы. Основная функция жаргона – обособление данной социальной группы от всех остальных. Именно в этом состоит главное отличие жаргона от инвективы, для которой первостепенной функцией является понижение статуса адресата. Кроме того, в отличие от инвективного фонда, который меняется сравнительно редко, из словарного состава жаргона постоянно уходят и приходят новые единицы.

Просторечие может иметь общую с инвективой форму, но отличается от нее малой или нулевой эмоциональностью.

Из внелитературной сферы языка, в частности из жаргонов были заимствованы следующие инвективные формумы в испанском и английском языках: исп. **bergante**_{арго} – «нахал», «наглец»; «болтун», «трепач»; **tocado**, **sonado**_{спорт.} – «чокнутый», «сумасшедший»; англ. **whistler**_{арго} – «стукач»; **fish**_{арго} – «новичок», «лох» (первоначально «новичок в тюрьме»), **party-pooper**_{студ.} – «зануда», гость, который первым уходит с вечеринки», **sap**_{шк.} – «дурак», «болван» (изначально «зубрила»).

Следует заметить, что богатым источником заимствований, в том числе и инвективных, в американском английском является жаргон афроамериканцев. В частности, из него пришли такие инвективные обозначения человека, как **motherfucker** (букв.: «тот, кто вступает в половые отношения со своей

собственной матерью»), **ofay** («белый ублюдок», презрительное обращение к белому), **oreo** («черный пижон», презрительное обращение к чернокожему, который ведет себя, как белый; букв. oreo – «печенье черного цвета с белой прослойкой из крема»), **mink** («шлюха», букв. – «норка»).

Источниками формирования инвективной лексики в испанском и английском языках могут служить такие способы переосмысления лексических единиц, относящихся к литературному пласту языка, как пейорация и эвфемия.

Основой для пополнения инвективного фонда пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка служат следующие типы пейоративного переосмысления или, в другой терминологии, *пейорации* лексики: 1) пейорация, основывающаяся на метафорическом переносе значения; 2) метафорометонимический тип пейорации; 3) метонимическая пейорация; 4) пейорация на основе созвучия двух номинантов; 5) гиперо-гипонимичная пейоративная модификация семного состава номинанта, распадающаяся на два подтипа: а) семантическую специализацию; б) семантическую генерализацию.

Наиболее продуктивным из них является так называемая *пейоративная метафора* (термин И. И. Кремих) или пейорация, основывающаяся на метафорическом переносе значения литературных слов.

Очень часто пейоративному антропоцентрическому переосмыслению подвергаются номинации растений, овощей, фруктов (исп. **pino** – «долговяз», букв. «сосна»; **melón** – «дурак», «тупица», букв. «дыня»; и англ. **cabbagehead** – «дурак», «тупица», букв. «капустная голова»; **carrot** – пренебр. «рыжеволосый», букв. «морковь»), а также номинации животных (исп. **cerdo**, **puerco**, **cochino** – «неаккуратный человек», «неряха», букв. «свинья»; **paragayo** – «человек, который много говорит не по делу», «болобол», букв. «попугай»; и англ. **whale**, **walrus** – «толстяк», букв. «кит»; **swine**, **pig** – «неряха», букв. «свинья»; **dirty dog** – «неряха», букв. «грязная собака»). В последнем случае речь идет об образовании зооморфизмов – одном из наиболее продуктивных источников инвективной лексики. Опираясь на определение Т.В. Писановой, термин *зооморфизм* мы трактуем как «такую метафору, основным объектом которой является человек с некоторыми свойствами, а вспомогательный комплекс представляет собой образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа»³. Под *квазистереотипом*, вслед за В.Н. Телия, мы понимаем «представления, имеющие в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства»⁴. Зооморфизмы характеризуют человека в системе межличностных отношений и, таким образом, выражают отношение человека к объекту речи. При этом основной акцент ставится на физические психические, моральные качества человека, а также на его интеллектуальные способности.

³ Писанова Т. В. Семантическая структура и функционально-коммуникативные свойства зооморфизмов испанского языка. АКД. – М., 1989. – С. 6.

⁴ Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 52.

При *метафоро-метонимическом* способе пейорации, включающем персонификацию, синестезию и антономазию, метафора и метонимия сливаются, так как объекты первичной и вторичной номинации обладают не только признаками сходства, но и смежности.

Сущность *персонификации* заключается в том, что «человек приравнивается к предметам неживой природы: объекты, предметы, явления неорганического мира и абстрактные понятия наделяются признаками, качествами, чувствами, волей, желаниями и действиями живой природы, особенно – человека»⁵. Примерами могут служить исп. **leño** – «олух», «дубина», букв. «полено»; **zoquete** – «невежа», букв. «чурбан»; и англ. **rake** – «долговяз», «жердь», букв. «грабли»; **taco** – «тако», «мексикос», инвективная номинация мексиканцев, (первоначально **taco** – название традиционного мексиканского блюда).

При *антономазийной* пейорации инвективный фонд пополняется за счет переосмысления номинации человека именем собственным или фамилией, номинации библейских, религиозных и мифологических персонажей⁶. (**Don Juan, Casanova** – «дамский угодник», **Judas** – «предатель», «иуда» – все три формы узуальны и в испанском, и в английском языке)

Пейоративная *синестезия* «представляет собой совмещение денотативного содержания номинаций тактильных, вкусовых, обонятельных, зрительных и акустических ощущений с интеллектуальным актом отрицательной оценки ощущаемого»⁷. (исп. **hediondo** – букв. «зловонный», «смрадный»; перен. «надоедливый», «докучливый», «невыносимый»; **mierda** – прям., перен. «дерьмо»; отсюда **mierdica** – «трус»; англ. **shit, turd** – прям., перен. «дерьмо», **puke** – прям. «рвотная масса», перен. «мерзкий человек», «дрянь»; **fart** – букв. «пукание», перен. «мерзкий человек»)

Метонимическая пейорация основывается на «реальной или предполагаемой (мыслимой) локальной, темпоральной и казуальной смежности объектов первичной и вторичной номинации»⁸. При данном способе пейорации чаще всего части тела человека или одежды переосмысливаются для пейоративной оценки всего человека, его моральных, интеллектуальных или физических качеств (исп. **pichabrava, pollabrava** – «бабник», «распутник», «мужчина, проявляющий чрезмерный интерес к прекрасному полу» (**bravo** – букв. «смелый», «отважный»; **picha, polla** – вульг. обозначение мужского полового органа); **calzonazos, bragazas** – «трус», «слабый, безвольный мужчина, находящийся под каблуком у своей жены», (**calzón** – букв. «пantalоны», **bragas** – букв. «трусы»); англ. **bonehead, butthead** – «тупица», «остолоп» (букв. «костяная голова» и «зад вместо головы» соответственно); **pantywaist** – «трус», букв. «короткие детские штанишки»; **cunt, pussy, gash** –

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Кремих И. И. Пейоративы-переосмысления в лексике современного немецкого языка. АКД. – М., 1987. – С.

14.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

«шлюха», перенос названия женского полового органа для инвективной номинации женщины).

Малопродуктивным способом формирования инвективной лексики в испанском языке является пейорация на основе полного или частичного созвучия номинантов (**vizconde**, **bizcocho** – «косоглазый»); обыгрывается созвучие со словом **bizco** – «косой»; **ser campeona de natación: nada por delante y nada por detrás** – о худой женщине с маленькой грудью и узкими бедрами, букв. «чемпионка по плаванию: ничего нет ни спереди, ни сзади». Здесь пейорация основана на омонимичности формы третьего лица единственного числа настоящего времени глагола **nadar** («плавать») и отрицательного местоимения **nada** («ничего»). В английском языке нами не было выявлено ни одной инвективной лексической единицы, образованной данным способом.

Гиперо-гипонимическая пейорация представляет собой специализацию или генерализацию семантики номинанта. Она является внутренне мотивированной и базируется на внутрипарадигматических связях одного номинанта. Примерами расширения семантики могут служить следующие случаи: исп. **goliardo** – «распутник» (первоначально данная инвектива употреблялась по отношению к священнику, нарушающему обет; позднее стала адресоваться любому человеку, ведущему распутный образ жизни); **cabrón** (изначальное значение «рогоносец» генерализовалось, и в современном испанском языке данная формула представляет собой инвективу общего характера со значением «подонок», «сволочь», то же самое можно сказать о семантике английской инвективы **bastard**, которая имела первоначальное значение «незаконнорожденный», «внебрачный ребенок»); **cáscara amarga (ser alguin de)** (первоначально «задира», «забияка», в последствии фразеологизм политизировался и стал употребляться по отношению к революционно настроенным людям, «вольнодумцам»). При расширении значения слова наименование конкретного недостатка трансформируется в обозначение абстрактного качества: напр., номинации конкретных физических отклонений человека – в наименования черт характера (исп. **cegado** и англ. **short-sighted** – «недалновидный», исп. **tartaja** и англ. **tongue-tied** – «косноязычный»), обозначения психических болезней – в номинации глупости (исп. **cretino**, **idiota** и англ. **cretin**, **idiot**).

Вместо грубых, непристойных оскорблений, инвектант может прибегать и к более мягким, шадящим адресата формам, т. е. к эвфемизмам. Явление эвфемии – один из способов обогащения инвективного вокабуляра. Термином *эвфемизм* обозначается «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления»⁹. Эвфемия, таким образом, рассматривается нами как одно из проявлений категории экспрессивности, основным признаком которой, как известно, является выражение эмоционально-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания. В качестве основной функции всех эвфемизмов А. В. Родченко

⁹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 521.

справедливо выделяет функцию смягчения, «основу которого составляет имплицитное выражение отрицательной оценки некоторого компонента содержания высказывания»¹⁰.

Эвфемизация лексического материала осуществляется при помощи фонетических, лексико-семантических и грамматических средств.

Фонетические средства включают сокращение, добавление и сокращение с добавлением (исп. **gil** вместо **gifi** («придурок»), **lesbi** вместо **lesbiana** или англ. **lesbo** вместо **lesbian** («лесбиянка»); англ. **fugly** вместо **fucking ugly** («страхолюдина»); исп. **analfabestia** вместо **analfabeto** («невежда»), **borrachuelo** вместо **borracho** («алкоголик»).

В американском английском одним из наиболее популярных методов эвфемизации грубых инвектив является аббревиация. Это, так сказать, один из способов проявления «политкорректности» в языке (**M.F.** – **motherfucker** («ублюдок»), **S.O.B.** – **son of a bitch** («сукин сын»), **AK** – **asskisser** («лизоблюд»).

Основными лексико-семантическими способами эвфемии являются метафора и метонимия (исп. **cargado de espaldas** вместо **jobrado** – «горбун»; букв. «с нагруженной спиной»); **ser del sindicato del vidrio** – «очкарик»; букв. «из профсоюза стекольщиков»; англ. **hot pants**, **fancy pants** – «бэбник», «развратник», инвективы, адресуемые мужчинам, проявляющим чрезмерный интерес к противоположному полу; букв. «горячие штаны» и «роскошные штаны» соответственно).

Из грамматических средств эвфемизации инвектив следует отметить эллипсис. В случаях опущения какого-либо элемента высказывания контекст, управление или артикль практически однозначно помогает адресату интерпретировать полученную информацию, однако существует возможность вариативности пропущенных элементов в пределах синонимии, например: **eres una... (puta, mujer de la vida, zorra** и т. п.).

Подобные конструкции с недостающим элементом не всегда употребляются из эвфемистических соображений. Иногда снятие даже наиболее табуированной части может лишь усилить шокирующее впечатление. Такова, например, испанская инвектива «**tu madre...**», которая произносится вообще без упоминания непристойного глагола, но зато называется мать и делается определенное движение головой, которое вынуждает адресата самого мысленно закончить оскорбление в свой адрес (адрес своей матери).

Отметим, однако, что, по мнению В.И. Жельвиса, аналогичные сокращения в английском языке **You mother!** или **Oh mother** (вместо **You motherfucker!**) воспринимаются мягче, чем в испанском, тем более, что отсутствие падежных окончаний маскирует непристойное происхождение внешне невинных восклицаний¹¹.

¹⁰ Родченко А. В. Средства эвфемии в современном испанском языке (на материале кубинского национального варианта). АКД. – М., 1999. – С. 4.

¹¹ Жельвис В. И. Ук. соч. – С. 87.

Заемствование инвектив, по нашим наблюдениям, в целом производится по общим законам заимствования лексики. Однако функция заимствованных инвектив отлична от функции иноязычных элементов других лексических пластов языка, которые служат для обозначения новых предметов, явлений и понятий. Иноязычные инвективы чаще всего называют объект, уже имеющий свое наименование в языке, и новая номинация отличается от старой эмоционально-оценочным пейоративным содержанием. В испанском языке основными источниками инвективных заимствований послужили латинский (*idiota, estúpido, imbécil, estulto, fatuo*), цыганский (*gachí* – «уличная женщина»; *gili, gilipollas, gilipuestas* – «глупец»), французский (*cretino* – «кретин», «идиот», *macarra* – «негодяй», «подлец»; *gigoló* – «молодой мужчина, находящийся на содержании у пожилой женщины»), арабский (*haragán* – «лентяй», «бездельник»; *fodolí* – «назойливый», «вмешивающийся не в свои дела») языки; в английском – латинский (*idiot, stupid, imbecile*), французский (*cretin, gigolo*), идиш (*meshuga* – «сумасшедший», «эксцентричный»; *putz* – букв. «мужской половой орган», перен. «мерзкий человек»; *shmuck* – «противный, мерзкий человек»).

Глава III «Сравнительный анализ инвективных средств в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка» содержит комплексное описание семантико-тематических групп инвективных формул, а также сопоставительный анализ инвектив с общим семантическим компонентом в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка.

Изучение инвективного фонда пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка позволяет определить, какие человеческие недостатки подвергаются осуждению в данных культурах. Таким образом, инвективный фонд языка отражает ценностные представления его носителей. Сравнительный анализ инвективного фонда испанского и английского языков позволяет говорить о существовании неких универсальных культурных ценностей, признаваемых и в испанском, и в американском социуме.

Мы выделяем следующие семантико-тематические группы инвектив в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка:

- 1) инвективные лексические единицы общего характера;
- 2) инвективные обозначения недостатков умственного развития;
- 3) инвективные обозначения внешности человека;
- 4) инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения;
- 5) инвективные обозначения отклонений в здоровье.

Данная классификация представляется нам наиболее наглядной и удобной для изучения инвективных средств и выявления системы ценностей и

иерархии человеческих недостатков и пороков, наиболее резко осуждаемых в рассматриваемых культурных сообществах.

1) **Инвективные лексические единицы общего характера.** Семантику инвективной лексики отличают размытость и нечеткость денотативного значения и доминирование в ней пейоративного коннотативного значения. Денотативные признаки при этом порой почти полностью оказываются вытесненными. Это объясняется тем, что основная задача инвективы – не констатация имеющих место фактов, а выражение негативного отношения инвектанта к собеседнику.

Экспрессивно-оценочный характер и диффузность значений инвектив создает известные трудности в соотношении той или иной инвективной единицы с определенной лексико-семантической группой.

Среди инвектив есть множество таких, которые не имеют четкого, определенного значения и могут использоваться для обвинения человека в самых различных пороках, начиная от глупости и заканчивая нечистоплотностью. Речь идет о так называемых общих инвективах, которые не имеют четкого денотативного содержания и используются как эмоционально-оценочные единицы. Например, одна из распространенных инвектив испанского языка **cabrón (cabronazo)** в узком смысле слова употребляется по отношению к обманутому женой мужчине, «рогоносцу». Однако данная лексическая единица может выступать и в качестве оскорбления общего характера в значении «сволочь», «подонок», и употребляется по отношению к неприятному, глупому или подлому человеку.

Приведем еще некоторые примеры общих инвектив в пиренейском национальном варианте испанского языка: **gachó (gachí), pieza, pájaro, golfo, sinvergüenza, bastardo, mamón soplapollas, canalla, hijo de puta**). Отметим, что по результатам опроса информантов, существует принципиальная разница между английским **bastard** и испанским **bastardo**: несмотря на то, что первоначальное значение обеих единиц – «внебрачный, незаконнорожденный ребенок», в современном английском языке слово **bastard** действительно выступает как общая инвектива безотносительно к происхождению адресата, в то время как испанское **bastardo** до недавнего времени сохраняло свое исконное значение и стало употребляться в качестве более общей инвективы только под влиянием американских фильмов вследствие некорректного перевода на испанский язык английского слова **bastard**. И хотя указанное словоупотребление получило в последнее время широкое распространение по смыслу и эмоционально-экспрессивному содержанию английская форма **bastard** больше соответствует испанским инвективам **mamón, cabrón, cabronazo**.

Наиболее сильной и неприличной общей инвективой в американском национальном варианте английского языка, на наш взгляд, является **motherfucker** - производная от другой грубой инвективы – **fucker**. Дословно **motherfucker** означает «Ты совершал половой акт со своей матерью», однако

употребляется, конечно, не буквально, а в качестве общей инвективы для выражения презрения и неприязни к собеседнику. Другими примерами общих инвектив в американском национальном варианте английского языка могут служить следующие лексические и фразеологические единицы: **fuckface** (также употребляется по отношению к гомосексуалисту), **fuckhead**, **buttfucker** (**butt** – «задница», букв. «бочка», «бочонок»), **son of a bitch** (или эвфемистическое сокращение **S.O.B.**), **bloody bastard** («проклятый ублодок», **bloody** – букв. «кровавый»), **ass** (букв. «задница», по отношению к человеку воспринимается как сокращение от **asshole** и звучит очень грубо), **cocksucker**, **crud**, **dirtdog**, **shithead**, **jerk**, **prick** (букв. название мужского полового органа), **puke** (букв. «рвота»), **turd** (букв. используется для обозначения экскрементов), **pisser** (от глагола **to piss** – груб. «справлять малую нужду»).

Итак, во всех приведенных выше инвективных формулах как в испанском, так и в английском языках присутствует пейоративное эмоциональное значение — субъект оценки испытывает неприязнь, раздражение и злобу. Оно, без сомнения, является доминирующим, так как оценочное значение сильно размыто. Часто бывает трудно сказать, что подвергается оценке в случае употребления общего ругательства, но можно с уверенностью утверждать, что объект оценки вызывает у субъекта крайне негативные эмоции.

2) Инвективные обозначения недостатков умственного развития.

Одним из наиболее актуальных человеческих недостатков в испанской и американской культурах признается глупость.

Как показывает анализ внутренней формы инвектив данной группы, чаще всего они образованы путем пейоративной метафоры. С глупостью у испанцев чаще всего ассоциируются определенные животные (**burro**, **borrico**, **asno** – «осел»; **besugo** – букв. «красноперый спар», **merluzo** – букв. «хек») или животные вообще (**animal**, **bestia**, **bipedo**)

В английском языке распространенной моделью словообразования выступает сочетание корня – **head** («голова») со словами-конкретизаторами. Очевидна логическая связь данной части тела с интеллектуальными способностями человека: **airhead** – букв. «воздушная голова», «голова, заполненная воздухом»; **meathead** – букв. «мясная голова»; **cabbagehead** – букв. «качан капусты», «голова-капуста»; **bonehead** – букв. «костяная голова»; **conehead** – букв. «голова-конус»; **fathead** – букв. «голова, заполненная жиром вместо мозга»; **shithead** – букв. «голова, заполненная дерьмом».

По нашим наблюдениям, в то время как среди испанских инвектив данной группы присутствует большое количество зооморфизмов, у американцев глупые люди чаще всего ассоциируется с неодушевленными предметами – чурбаном, конусом, капустой (вместо головы), мясом, жиром, костями, воздухом, «дерьмом» (вместо мозга).

Среди испанских инвектив, обозначающих глупость также есть выражения, в состав которых входит слово **cabeza** (**tenerla** (**ser un**) **cabeza hueca**

– «иметь пустую голову», «быть пустоголовым»; **ser un cabeza de chorlito** – «иметь ветер в голове»; слова, обозначающие какие-либо ее части (**no tener dos dedos de frente** – «низколобый», **no tener seso** – «безмозглый», **ser duro de mollera** – «твердолобый»), либо другие лексические единицы, указывающие на то, что речь идет именно об интеллектуальных способностях адресата (**ser chato de inteligencia** (**chato** – букв. «курносый»); **ser obtuso de inteligencia** (**obtuso** – букв. «тупой», «тупоконечный»); **ser cerrado de inteligencia** – «тупой», недалекий»).

Нередко в образовании инвектив данной группы как в испанском, так и в английском языке участвуют слова, обозначающие органы выделения, половые органы или слова, связанные с половым актом: сравним исп. **tonto del culo**, **tonto del coño**, **tonto del pito**, **tonto de los cojones**, **gilipollas** и англ. **sucker**, **dumbfuck**, **asshead**, **butthead** (**butt** имеет то же значение, что и **ass**), **dumbass**, **cockhead**.

Дуракам в испанской и американской культурах противопоставлены умники: исп. **cabeza (de) huevo** («яйцеголовый»), **sabelotodo**, **sabihondo** («всезнайка»); **marisabidilla** («синий чулок», о женщине, которая, уделяя слишком много времени развитию интеллекта, не следит за собой); англ. **egghead** («яйцеголовый»), **pointyhead** (**pointy** – букв. «заостренный»), **nerd** («зубрила», «ботаник», по отношению к скучному книжнику, оторванному от реальности, который за учебой не видит жизни). Как показывает семантика данных инвективных лексических и фразеологических единиц, наличие ума тоже не всегда является в испанском и американском обществе абсолютной ценностью. Быть глупым крайне непрестижно в указанных культурах, однако и чрезмерный ум также воспринимается как отклонение от нормы. С точки зрения логики – налицо явное противоречие. Объяснить его помогают современные аксиологические теории. В нашем случае оценочная шкала выглядит следующим образом — дурак - нормальный — всезнайка. Инвективные лексические единицы со значением «умнику» — характеризуют не интеллектуала в положительном смысле, а того, кто пытается доказать всем свое умственное превосходство, и хотя реально может и не обладать необходимыми знаниями.

3) Инвективные обозначения внешности человека. Внешность как в испанском, так и в английском языке подвергается не меньшей критике, чем интеллект, о чем свидетельствует достаточно высокая лексическая разработанность этого понятийного поля в сфере инвективной лексики. Внешность, на наш взгляд, является важнейшей антропологической категорией. Человек, прежде всего, воспринимается и оценивается по своему внешнему виду.

Думается, что инвективная лексика позволяет «обнажить» национальный образ внешности человека, так как в ее значениях и внутренней форме зафиксированы антиобразцы внешнего представления человека, к которым апеллирует субъект оценки в момент выражения своей неприязни к внешним качествам объекта.

Внешность объекта может оцениваться как отталкивающая без конкретизации каких-либо определенных недостатков. Для этого используются

инвективы общей семантики, характеризующие человека с внешней стороны как неприятного, омерзительного субъекта (исп. **horroroso** («уродливый», «безобразный»); **aborto, feto** (букв. «выкидыш»), **esperpento** («урод», «страшилище»); **drácula, monstruo, callo** (букв. «мозоль»), **petardo** (букв. «петарда», «хлопушка»); **birria** («урод», «посмешище»); **coco** («пугало», букв. «косточковый орех»), англ. **fright, ugly, fugly** (от **fucking ugly**) («урод», «страшилище»); **pissugly** (**piss** – букв. «моча»); **skank** («страхолюдина», по отношению к очень некрасивой женщине); **dog** (также по отношению к женщине); **monster, scarecow** (букв. «страшная корова»); **agly as sin** («страшный, как смертный грех»).

Осуждению подвергаются и специфические черты внешности:

Полнота: в испанском языке **gordinflón** («толстяк»); **tonel** («кадушка»); **barril** («бочка»); **globo** (букв. «шар»); **bola de sebo** (букв. «кусочек сала»); **ballena** (букв. «кит»); **vaca** («корова»); **foca** (букв. «тюлень»); в английском языке **fatty, plump** («толстяк»); **whale** (букв. «кит»); **walrus** (букв. «морж»); **fatass** («толстозадый»); **fatso** («жирдяй»); **fat-guts** («толстопузый»); **cow** («корова»); **porker** («свинья», «толстый обжора»); **lardo** (**lard** – букв. «жир», «сало»); **thunder thighs** («толстозадый», букв. «жирные ляжки»).

Худощавость: в испанском языке **flaco, chupado** («тощий»); **enclenque** («хилый», «дохлый»); **esmirriado** («тощий», «истощенный»); **esquelético** («скелет»); **escuchimizado** («дохляк»); **saco con huesos** (букв. «мешок с костями»); **escoba** (букв. «метла»); в английском языке **scraggy, skinny** («тощий», «чахлый»); **bony, raw-boned** («костлявый»); **thin as a rake** (**rake** – букв. «грабли»); **skin and bone** («кожа да кости»); **bag of bones** (букв. «мешок с костями»).

Низкорослость: в испанском языке **miniatura** (букв. «миниатюра»); **enano** («карлик»); **microbio** (букв. «микроб»); **pigmeo** (букв. «пигмей»); **retaco** («коротышка»); **tapón (taponcete)** (букв. «пробка», «затычка»); **medio hombre, cacho hombre** («коротышка»); в английском языке **undersized object** (букв. «маломерный объект»), **dwarf** («карлик»), **dumpling, shorty, peewee** («коротышка»), **puny** («малышка»), **runt** (употребляется в значении «коротышка» или «поганец»).

Высокий рост: **grandón** («громилла»), **kilométrico** (букв. «километровый»), **pino** (букв. «сосна»), **jirafa** («жираф»), **escalera** (букв. «лестница») в испанском языке и **lanky, lengthy, gangling** («долговяз»); **all legs, spindle legs** (букв. «длинные и тонкие ноги»), **spaghetti legs** (букв. «ноги-макаронины») в английском языке.

Некрасивые черты лица: **cara de hereje** (букв. «лицо еретика»); **pajar** (букв. «сарай для соломы»); **bocazas** («пасть», «большой рот»), **narigón, narigudo** («носатый»); **trompa** (букв. «хобот») в испанском языке и **ass for a face (assface)** (букв. «зад вместо лица»), **ugly mug, puss, snoot** («страшная рожа»); **big-nosed** («носатый»), **beak** (букв. «клюв») в английском языке.

Обращает на себя внимание сходство некоторых образов, к которым апеллируют инвективы данной группы. В испаноязычной культуре толстяк

ассоциируется с китом, тюленем и коровой (**ballena, foca** и **vaca**), а в англоязычной – с китом, моржом, коровой и свиньей (**whale, walrus, cow, porky** и **oinker**). При этом в испанском языке форма **vaca** может адресоваться лицам обоего пола, тогда как в английском коровой можно назвать только толстую женщину. Отметим также, что нами не было обнаружено ни одного случая употребления испанских лексических единиц, обозначающих свинью для номинации полных людей. В испанской культуре образ свиньи чаще всего ассоциируется с неряшливостью, неопрятностью.

С одной стороны, и в испанском, и в английском языке худой человек – это «мешок с костями» (ср. англ. **bag of bones** и исп. **saco con huesos**) или «кожа да кости» (ср. англ. **skin and bone** и исп. **piel y hueso**). С другой стороны, в англоязычной культуре он сравнивается с граблями (**thin as a rake**), а в испаноязычной – с метлой (**escoba**).

Резко осуждаются также внешние недостатки, возникшие по вине объекта оценки, в частности, неряшливость. В испаноязычной культуре, так же как и в русскоязычной, символом нечистоплотности является свинья (**cochino, cerdo, puerco**), в англоязычной – свинья и собака (**swine, pig, slut, dirty dog**).

Отметим, что среди инвективных обозначений данной группы в английском языке было зафиксировано большое количество грубых и бранных слов, в частности лексических единиц, образованных от наименований полового акта, продуктов и органов выделения (**fugly, pissugly, assface, to look like ten pounds of shit**). В испанском языке не была выявлена подобная тенденция. На наш взгляд, причина в том, что в американском обществе господствует культ идеальной внешности, связанный с активной пропагандой пластической хирургии и современной индустрии красоты. Поэтому несоответствие голливудским стандартам красоты рассматривается как очень серьезный недостаток.

4) Инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения. Помимо внешности и интеллекта объектом негативной оценки становится характер человека и его поведение в обществе. Положительным качествам характера противопоставляются отрицательные. В основе этого разделения лежат нормы человеческого поведения, конвенционально определенные обществом. Инвективы в своей семантике указывают на наиболее осуждаемые качества человека, так что их анализ определяет национальную специфику, как в границе разделения черт характера на положительные и отрицательные, так и в содержании и актуальности соответствующего понятия порока.

В испанском и английском языках подвергаются резкой критике следующие черты характера и модели поведения:

Подхалимство: **pelota, zalamero** («льстец», «подлиза»); **chaquetero** («конъюнктурщик», «переметная сума»); **lameculos, comepollas** («лизоблюд», «подлиза»); **abrazafarolas (abrazar** – букв. «обнимать», **farola** – букв. «фонарный столб»); **tiralevitas (tirar** – букв. «тянуть», «дергать», **levita** – букв. «сюртук») в испанском и **bootlicker, footlicker** («подлиза», «лизоблюд»; **lick** – букв.

«лизать», т.е. подлиза – это тот, кто лижет чужие ботинки или ноги); **cookie-pusher** («подхалим»), **backscratcher** (букв. «тот, кто чешет спину другому»), **asskisser (kiss-ass), cocksucker** («лизолюб») - в английском языке.

Обращает на себя внимание сходство образов, используемых в инвективах **lameculos (lamer – «лизать», culo – «задница»)** и **comepollas (comer – букв. «есть», polla – грубое название мужского полового органа)** в испанском языке и **asskisser (kiss – «целовать», ass – «задница»)** и **cocksucker (suck – букв. «сосать», cock – грубое название мужского полового органа)** – в английском. Форма **cocksucker** также нередко выступает в качестве общей инвективы для выражения презрения к не заслуживающим уважения людям.

Болтливость. Среди испанских инвектив данной подгруппы преобладают формы, образованные посредством метафорического переосмысления, в частности, зооморфизмы (**papagayo** («попугай», тот, кто много говорит, при этом сам не знает, что); **loro** («попугай», человек, который не понимает, что он говорит, т. к. повторяет заученный текст); **cotorra, vibora** (букв. «змея»)), в то время как большинство английских инвектив образовано путем метонимической пейорации по модели – **mouth** («рот») плюс слово-конкретизатор (**big-mouth, badmouth** («сплетник», «клеветник»); **loudmouth** («болтун», да еще горомко говорящий); **motor-mouth, windbag** («пустослов»)).

Трусость. И в испаноязычной, и в англоязычной культуре животным, олицетворяющим трусость, является курица (ср. исп. **gallina** (букв. «курица») и англ. **chicken coward** (букв. «трусливый как курица»); , **chickenheart** (букв. «куриное сердце»)). Кроме того, в обеих культурах трусость ассоциируется с предметами нижнего белья (исп. **bragazas, calzonazos** («слюнтяй», **bragas –** букв. «труссы», **calzones –** букв. «панталоны») и англ. **pantrywaist** (букв. «короткие детские штанишки»), а также с импотенцией и отсутствием у мужчины первичных половых признаков (ср. исп. **deshuevado, no tener cojones** и англ. **not to have balls**). Естественно, что последние формулы употребляются по отношению к мужчинам. Вообще следует заметить, что все инвективы данной группы чаще всего адресуются мужчинам. Мужская трусость подвергается большему осуждению, чем женская, так как, предполагается, что мужчина должен обладать более сильным характером, нежели женщина.

Тщеславие, высокомерие: в испанском языке **chulo** («пижон», «нахал»); **creido** («самонадеянный»); **fanfarrón, fantasmón, repipi** («хвостун», «бахвал»); **narcisista** («самовлюбленный», букв. «страдающий нарциссизмом»); в английском языке **bigheaded, swellhead** («самодовольный», «высокомерный»), **stuck up** («чванливый», «заносчивый»), **smart ass, bigass** («нахал», «наглец»), **horse's ass (collar, tail)** (букв. «лошадиная задница (хвост)»).

Лень, праздность: в испанском языке **gandul** («лоботряс», «лодырь»); **haragán**, («лентяй», «сачок»); **zángano** (букв. «трутень»); **parásito** (букв. «паразит»); **chupóptero** («дармоед», «тунеядец»); в английском языке: **loafer** («тунеядец»); **lazybones** («лентяй»); **good-for-nothing** («ничтожество», «никчемный человек»); **parasite** (букв. «паразит»); **sponger** («иждевенец», «приживал»); **bone-idle** («ленивый до мозга костей»).

Жадность, скупость. Среди инвектив данной группы в обоих языках есть лексические и фразеологические единицы, образованные от глагола «хватать», «сжимать» (ср. исп. **agarrado, apretado** и англ. **grasping, grabby**). Кроме того, и в английском, и в испанском языке символом жадности может выступать сжатый кулак (ср. исп. **ser del sindicato del puño** (букв. «входить в профсоюз (общество) кулака») и англ. **close-fisted, tight-fisted (fist – букв. «кулак»)**) или крыса (исп. **rata** («жмот», букв. «крыса») и англ. **pack rat** (человек, который не может расстаться с хламом в доме, «барахольщик»)).

Назойливость, занудство: **pelma, pelmazo** (букв. «тестообразная масса»); **tostón, tostonazo** (букв. «гренок», «ломтик поджаренного хлеба»); **plasta** (букв. «кашица»); **pestiño** (букв. «оладья»); **plomo, plumazo** (букв. «свинец»); **rollo, rollazo** (букв. «рулон»); **latazo** (от **lata** – «консервная банка»); **coñazo** (от **coño** – грубое название женского полового органа); в английском языке в том же значении выступают: **dull fish** (букв. «скучная рыба»); **bringdown; nudge (noodge)** (букв. «толчок локтем»); **nudnik** (и корень, и суффикс заимствованы из русского языка); **wimp; drag** (букв. «медленное движение», «тормоз»); **pain in the neck (in the ass/ in the butt)** (букв. «боль в шее /в заднице»). Обратим внимание на большое количество метафор, образованных от существительных, обозначающих мучные изделия, среди инвектив данной группы в испанском языке, нехарактерное для английского языка.

Сексуальная распущенность. Еще одной сферой человеческого бытия, получающей критическое освещение в инвективной лексике, является сексуальная жизнь человека. В испаноязычной и англоязычной культурах эта сфера является источником многочисленных табу.

В настоящее время запрет на ведение половой жизни отошел в разряд рудиментарных, однако следует отметить, что это касается лишь упорядоченной половой жизни. И в испанской, и в американской культуре, в частности, осуждаются неразборчивость в связях и нестандартная сексуальная ориентация, что находит отражение в инвективном фонде.

По отношению к слишком равнодушным к слабому полу мужчинам узуальны следующие инвективы со значением «похотливый», «развратник», «распутник»: в испанском языке **cachondo, pollabrava, pichaloca, putero, salido, viejo verde** («старый развратник», букв. «зеленый старик»), **comecoños** (букв. «пожиратель женских половых органов»), **rompecoños**; в английском языке **fem-follower** (букв. «преследователь женщин»); **easy-rider** (также по отношению к доступной женщине); **fast worker, fast operator** (букв. «тот, кто быстро делает свою работу»); **chicken hawk** (букв. «хищная птица, питающаяся курочками»); **chippy-chaser** (букв. «охотник за доступными женщинами»); **cunt-chaser** (букв. «охотник за женским половым органом»); **wolf** (букв. «волк») в английском.

Следует подчеркнуть, что многие из вышеперечисленных лексических единиц, даже самые эмоционально окрашенные, часто выступают не в роли инвектив. Особенно это касается испанских инвектив. В определенном

контексте, например, в компании друзей, они могут восприниматься как дружеское подшучивание или даже комплимент. Очевидно, это связано с традиционной сексуальной ролью мужчины в обществе. Мужчина всегда имел больше сексуальной свободы. Добрачные связи, интерес к сексу, частая смена партнеров рассматриваются как незначительные недостатки мужской натуры, на которые смотрят сквозь пальцы, особенно в испаноязычной культуре, где на протяжении веков существовал культ настоящего мужчины – «мачо». Тем не менее, эти недостатки подвергаются осуждению, что находит выражение в соответствующих инвективах.

Распутство женщины вызывает гораздо более резкое осуждение со стороны как испанского, так и американского общества, что связано, вероятно, с большим значением культа семьи, хранительницей которого традиционно является именно женщина. Резко негативное презрительное отношение к женскому разврату эксплицируется через коннотативное содержание соответствующих инвективных слов. Инвективы данной группы, как правило, носят вульгарный, грубый, презрительный характер, т.е. находятся в крайне негативной части шкалы инвективности.

Резкому осуждению в обеих культурах подвергается проституция. При этом обозначения собственно проституток нередко переносятся на женщин, ведущих распутный образ жизни. Как показывают наши наблюдения, среди испанских инвектив этой группы гораздо больше зооморфизмов. Падшая женщина у испанцев ассоциируется с лисой, собакой, волчицей, ящерицей, птицей (**zorra, raposa** (букв. «лиса»), **perra** (букв. «сука»), **loba** (букв. «волчица»), **lagarta** (букв. «ящерица»), **pájara** (букв. «птица»), а у американцев – с собакой и свиньей (**pig** (букв. «свинья»); **bloody slut** («грязная шлюха», «грязная свинья»; **bloody** – букв. «кровавый»); **pig meat** (букв. «свинина»). Отметим, что лиса (**fox**) для американцев – это не проститутка, а красивая, соблазнительная женщина¹².

Что касается нестандартной сексуальной ориентации, здесь наблюдается обратная тенденция, нежели в случае неразборчивости в выборе партнеров. И в испанском, и в английском языке нами было выявлено гораздо меньшее количество инвективных обозначений женской гомосексуальности, нежели мужской. Возможно, причина в том, что мужская гомосексуальность вызывает гораздо большее общественное осуждение, чем женская, а также тем, что женский гомосексуализм не так широко распространен, как мужской. Приведем примеры инвектив данной подгруппы.

Женская гомосексуальность: **tortillera, bollera, bollaca** в испанском языке и **dyke, lesbo, muff diver** (**muff** – букв. «муфта», перен. «женские гениталии», **diver** – «ныряльщик») - в английском.

Мужская гомосексуальность. В испанском языке: **maricón, mariposa** (букв. «бабочка»), **sodomita, hermafrodito** (букв. «гермафродит»), **porculero, raro** (букв. «странный», «необычный»), **equivocado** (букв. «неправильный», «ошибочный»), **distinto** (букв. «отличный», «непохожий»), **modoso**, (букв. «скромный»); в английском языке **fag (fagot)** (букв. «вязанка хвороста»), **fairy**

¹² Шестикрылов П. Словарь новейшего американского сленга. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – С. 82.

(«фля»), **queer** (букв. «фальшивый», «поддельный»), **fart-knocker** (**fart** – букв. «выпускание газов из кишечника», **knock** – букв. «стучать»), **shit-stabber** (**stab** – букв. «вонзять», «наносить удар кинжалом»), **turd-burglar** (**turd** – «дерьмо», **burglar** – «взломщик»), **bloody ass-fucker**, **asshole bandit**.

5) **Инвективные обозначения отклонений в здоровье.** Испанские и английские инвективы обозначают людей со следующими отклонениями в здоровье:

Дефекты глаз и зрения: в испанском языке: **cegado**, **cegación** («близорукий», «слепая курица»); **topo** («крот»); **cuatro ojos** («четыреглазый»); **gafotas**, («очкарик»); в английском языке: **short-sighted**, **purblind** («близорукий», «подслеповатый»); **blind as a mole** («слепой как крот»); **stone-blind** (букв. «слепой как камень»); **dweeby**; **barnacled** («очкарик»); **four-eyes** («четыреглазый»). Отметим, что в английском и в испанском языках, впрочем, как и в русском, физический недостаток «близорукость» часто ассоциируется с такими чертами характера, как недальновидность, непредусмотрительность, вследствие чего соответствующие слова и выражения употребляются не только по отношению к лицам, в действительности имеющим дефект зрения, но также и по отношению к тем, кто в повседневной жизни ведет себя так, как если бы страдал близорукостью.

Нарушения слуха: в испанском языке: **teniente** (букв. «лейтенант»; по всей видимости, характерной чертой обладателей звания лейтенанта является нежелание прислушиваться к просьбам солдат); **sordo** («глухой»); **duro de oído** («тугой на ухо»); **sordo como una tapia** (букв. «глухой как каменная стена»). В английском языке: **as deaf as a post(door-post)** (букв. «глухой как столб»); **deaf as a door-nail** (букв. «глухой как гвоздь»); **stone-deaf** (букв. «глухой как камень»); **death-deaf** (букв. «глухой как смерть»). Как и в случае с близорукостью, данные выражения употребляются не только по отношению к лицам, действительно страдающим глухотой, но и по отношению к лицам, которые ведут себя и поступают так, будто они не слышат или не хотят слышать то, что происходит вокруг них.

Дефекты речи: в испанском языке: **tartamudo**, **tartaja** («заика»); **lengua de estropajo** (**estropajo** – букв. «тряпка»); **sopazas** («мямля», «косноязычный»); имеется в виду положение, в котором находится человек, когда ест суп: полный рот не позволяет ему четко и правильно произносить слова). В английском языке: **stutterer**, **stammerer** («заика»); **tongue-tied**, **word-bound** («бормотун», «косноязычный»). Единицы данной группы часто выступают в значении «косноязычный», «не способный четко выражать свои мысли».

Психические отклонения. В испанском языке: **chalado**, **chiflado** («чокнутый», «псих»); **demente** («безумец»); **maniático** (букв. «маньяк»); **esquizofrénico** (букв. «шизофреник»); **neurótico** («нервнобольной»); **chalupa** (букв. «шлюпка»); **chaveta** (букв. «кнопка», «скрепка»); **majara**, **mochales** («свихнувшийся»); **venado** (букв. «олень»); **zumbado** («чокнутый»; психическое состояние адресата сравнивается с жужжанием насекомых); **tocado** («тронутый»); **faltarle un tornillo** («не все дома», «букв. «не хватает болта»);

faltarle una tuerca (букв «не хватает гайки»). В английском языке: **crazy**, **crackpot** («чокнутый», «псих»); **retard** («умственно отсталый»); **nuts** («сбривший», «помешанный»); **fruitcake** («чокнутый», «ненормальный»; обыгрывается сходство между популярным американским десертом из смеси различных фруктов и головой сумасшедшего, где все перемешано и царит хаос); **freak** («чудак», «сумасброд»); **screwball** («чокнутый», «тронутый»); **cockeyed** («рехнувшийся»); **loco** («безумный», «ненормальный»); заимствование из испанского языка); **meshuga(h)** («сумасшедший»; заимствование из идиша); **bananas** («ненормальный», «зациклившийся», «неумеренный фанат чего-либо»); **cuckoo**, **kooky** («псих»); **lamebrain** (букв. «хромой мозг»); **dingy** («чокнутый»); **geek** («помешанный», «фанат»).

По нашим наблюдениям, чаще всего инвективы, относящиеся к данной группе, употребляются не в прямом, а в переносном смысле по отношению к людям, которые своим поведением нарушают социальные нормы, например, в значении «глупый», «фанатичный», «сумасброд», «эксцентрик».

Итак, следует отметить полисемантический характер инвектив, указывающих на отклонение в здоровье. В одном из значений лексическая или фразеологическая единица обозначает собственно человека, страдающего определенной болезнью, в других - здоровых людей с отрицательными чертами характера или недостаточно развитым интеллектом. Первое значение во многих случаях — редко употребляемое. Таким образом, обозначения больных людей часто переносятся на здоровых с переосмыслением их семантики. Болезнь превращается в недостаток, в котором можно обвинить субъекта — психические отклонения в глупость, физические - в отрицательные черты характера. Указание на болезнь при этом как бы отходит на второй план. Больной при этом воспринимается как некая аномалия, как некий субъект, отклоняющийся от общепринятых норм поведения и физических характеристик, поэтому сравнение с ним в высшей степени унизительно. Патологическая глупость, физические отклонения есть, так сказать, социально осуждаемые болезни. Безосновательное соотнесение их с объектом номинации наносит вред его положительному социальному лицу, что вызывает самую отрицательную реакцию. Если объект в действительности страдает указанными пороками, инвектива не теряет своей силы, так как в данном случае она нарушает табу. В высшей степени неприлично указывать человеку на его отклонения в здоровье, и на основании этого демонстрировать свое превосходство.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и обобщаются основные результаты работы.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях, в том числе в изданиях, **рекомендованных ВАК:**

1. Заворотничева Н.С. Инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения в испанском и американском

- лингвокультурном сообществе // **Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика»**. Выпуск № 3. – М.: РУДН, 2008. – С. 69 - 74.
2. Заворотищева Н.С. Пути формирования инвективной лексики (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // **Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика»**. Выпуск № 3. – М.: РУДН, 2010. – С. 30 - 37.
 3. Заворотищева Н.С. Инвективные обозначения недостатков умственного развития (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // **Вестник Университета Российской академии образования**, № 3. – М: УРАО, 2010. – С. 35 – 37.
 4. Заворотищева Н.С. Инвективные лексические единицы общего характера (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // **Филологические науки. Вопросы теории и практики**, № 2 (6). – Тамбов: Грамота, 2010. – С. 54 – 56.
 5. Заворотищева Н.С. Инвективные обозначения отклонений в здоровье (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // **Альманах современной науки и образования**, № 7 (38). – Тамбов: Грамота, 2010. – С. 184 – 186.
 6. Заворотищева Н.С. Инвективные обозначения внешности человека (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) // **Современные гуманитарные исследования**, № 4. – М.: Спутник+, 2010. – С. 59 – 63.

Заворотищева Наталья Сергеевна (Россия)

**ИНВЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ**

**(на материале пиренейского национального варианта испанского языка и
американского национального варианта английского языка)**

Диссертация посвящена систематизированному описанию, классификации и сопоставительному анализу инвективных средств в пиренейском национальном варианте испанского языка и американском национальном варианте английского языка, а также выявлению лингвокультурологических особенностей инвектив и изучению их функционирования в современной разговорной речи.

Материалы исследования и полученные результаты могут найти применение в курсах межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, стилистики, речевого этикета, когнитивистики.

Natalia S. Zavorotishcheva (Russia)

INVECTIVES IN THE MODERN SPOKEN LANGUAGE

**(based on the Peninsular national variant of the Spanish language and the
American national variant of the English language)**

The thesis contains a systematic description, classification and comparative analysis of the invective means in the Peninsular national variant of the Spanish language and the American national variant of the English language, determines the linguistic and cultural features of the invectives, studies their functioning in the modern spoken language.

The materials and results of the study could be applied in the courses of linguistic and cultural anthropology, intercultural communication, stylistics, etiquette of speech, cognitive science.

Подписано в печать: 21.10.2010

Заказ № 4342 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

